

Происхождение христианства

ИСТОРИЯ ХРИСТИАНСТВА

POLITSTURM.COM

2019-06-01

22 мин. на чтение

Буржуазная революция и последовавшая за ней секуляризация не отменили полностью религию, не отправили её в «музей истории». И по ныне религия как общественный институт не только сохраняет свое существование, но так же имеет значительное влияние на сознание современных людей. А значит – используется правящим классом для пропаганды непротивленчества и примирения с реалиями эксплуататорского строя.

Особое значение «религиозный вопрос» имеет в нашей стране, в которой уже не первое десятилетие продолжается активный процесс клерикализации всех сторон светской жизни. Для того, чтобы трудящимся успешней сопротивляться дурману мифически-идеалистического религиозного мировоззрения, отвлекающего от реальных законов материального мира, необходимо хотя бы поверхностно представлять себе историю возникновения религии. Именно этому – откуда есть пошло христианство – и посвящена первая статья из цикла «атеистического ликбеза», целью которого является: просвещение граждан в области религии.

Римская Империя в I веке

Как известно, христианство зародилось в Римской империи в начале первого тысячелетия нашей эры. Империя в тот момент – огромное государство, одну половину населения которого составляли рабы, а другую половину – граждане и неграждане (подданные), т.е. свободные жители подчинённых провинций. По переписи 14 года н.э. полноправных граждан насчитывалось 5 миллионов против 55 миллионов провинциальных подданных, в то время как в состоянии рабства находилось свыше 60 миллионов человек.

Рим безраздельно властвовал над провинциями, буквально выжимая из них все соки посредством назначаемых из римской знати чиновников, получавших широчайшие права местного управления.

Помимо гнёта центральной власти провинциалы и граждане испытывали гнёт и со стороны крупных рабовладельцев: дешёвый труд рабов давал дешёвый продукт, в результате чего мелкие собственники, крестьяне и городские ремесленники, массово разорялись. Они были вынуждены либо пополнять ряды городского люмпен-пролетариата, либо оставаться на земле и впасть в зависимость от крупных землевладельцев в качестве арендаторов-колонов.

Между тем, рабский труд становился все более неэффективным и малопродуктивным, поскольку рабы не были заинтересованы в результатах своего труда. «Вооружить» рабский труд новыми техническими достижениями так же не представлялось возможным – рабы просто ломали орудия или всячески содействовали их порче. В этих условиях для поддержания доходности своих хозяйств владельцы латифундий вынуждены были увеличивать количество рабов и значительно усиливать их эксплуатацию. Это, с одной стороны, влекло за собой усиление грабительской политики Рима, разжигающего войны во имя захвата новых рабов, а с другой стороны – коллапс рабовладельческого хозяйства вызвал широкое революционное брожение в массах угнетённых.

С середины II в. до н.э. Италию и провинции практически безостановочно сотрясали гражданские войны, направленные против всей системы социально-экономических отношений рабовладельческого государства. В этот период мы можем увидеть и многочисленные восстания рабов (два восстания на Сицилии, восстание Аристоника в Малой Азии, крупнейшее восстание Спартака), и движение мелких крестьян за землю (т.н. «реформы Гракхов» и другие движения против крупных латифундистов), и восстания провинциалов за получение гражданских прав (восстание италиков, война Рима против Митридата). Короче говоря, Римскую республику охватил тяжелейший революционный кризис.

Однако все эти стихийные революционные движения не смогли перерасти в революцию. Отчасти по причине могущества рабовладельческого Рима, отчасти из-за разрозненности действий и культурного антагонизма между рабами и свободными крестьянами, отчасти из-за низкого уровня классового сознания и отсутствия внятной программы у самого революционного движения.

Непосредственным результатом этого тяжёлого кризиса стал переход республиканского Рима к новой политической системе, системе империи, т.е. реакционной военной диктатуре крупных рабовладельцев и латифундистов. Террористический режим империи открыто подавляет как новые революционные ростки, так и остатки старой оппозиции, в том числе, оппозиции в стане самих рабовладельцев, недовольных ликвидацией республиканского строя.

Всё это породило в низших, наиболее эксплуатируемых слоях римского общества глубокое отчаяние и апатию. Надежды на будущее освобождение рухнули.

Такое состояние общественной депрессии, накрывшей империю в I веке н.э. весьма благоприятствовало развитию всевозможных мистических настроений. Взоры отчаявшихся рабов, разорённых крестьян и люмпен-пролетариев, потерпевших полное поражение в реальном мире, устремились на небо, в фантастический мир волшебных героев, несущих избавление от всех бед.

Крах национальных религий

Вместе с социально-экономическим укладом жизни отдельных народов Римская империя разрушила и систему национальных религий, базировавшуюся на ушедшем в небытие под ударами легионеров общественном строе. Римское завоевание, положившее конец независимости многочисленных народов и стран, нанесло смертельный удар и по их «родным» религиям. Национальные божества, не сумевшие защитить самостоятельность и независимость «подвластных» народов, теряли почитателей и мало-помалу сходили с исторической сцены.

Но насаждаемая захватчиками римская религия не могла удовлетворить оставшихся без духовной опоры страждущих, ибо по существу, это была религия угнетателей, крайне узконациональная религия рабовладельческой римской верхушки, причём так же пребывавшая в кризисе.

Попытки императора Августа ввести культ императоров в качестве новой мировой религии для всех народов не увенчались особым успехом, хотя и создали условия для будущего восприятия массами уже христианской идеи «богочеловека».

В столь тяжёлый момент среди пёстрой многонациональной массы жителей империи начинают распространяться различные вариации восточных верований: культ Осириса и Изиды (Египет), Аттиса и Кибелы (Малая и Средняя Азия), Таммуза и Иштар (Вавилония), Диониса (Греция), Митры (Персия). Характерно, что все эти культы изначально носили крестьянский, земледельческий характер и были связаны с верой в божество, которое умирает, а затем воскресает.

Со временем боги земледельческих культов приобретают черты богов-избавителей, своей смертью искупавших грехи человека, и своим воскрешением дававшим ему надежду на бессмертие.

Красочная обрядовость этих культов, в отличие от сухой и прозаичной римской религии, отличалась привлекательным для масс мистицизмом. Все они носили характер тайный и были доступны исключительно для «посвящённых». Богослужения были театрализованными, сопровождалась таинственной музыкой, чередованием освещения и темноты, головокружительными плясками и исступлёнными молитвами.

Другим немаловажным фактором популярности восточных культов был мессионизм, являвшийся, в свою очередь, выражением отчаяния широких слоёв населения в условиях углубления кризиса рабовладельческого строя. Уже в конце I в. до н.э. по империи начали распространяться мессианские настроения, находившие особый отклик в низах общества, разочарованных и разбитых. Так, например, подавление римской армией в союзе с еврейской верхушкой революционного движения в Иудее вызвало к жизни масштабное мессианско-эсхатологическое движение, наиболее яркими примерами которого могут быть названы упоминающиеся Иосифом Флавием «пророки» Февда и «египтянин», по призыву которых сотни, если не тысячи, иудейских бедняков устремлялись в пустыню на встречу с «мессией».

Подобные же представления, отражавшие глубокий экономический и идеологический кризис римского рабовладельческого государства, особенно ярко проявлялись в иранском культе бога солнца Митры. Поклонники Митры – в этом они сходились с иудеями – ожидали скорого прибытия месии-спасителя, который воскресит мёртвых, а затем, после суда над душами, очистит землю праведным огнём, уничтожив вместе с грешниками бога Аримана, виновника распространения зла на земле. После этого вместе с праведниками Митра установит вечное царство блаженства и справедливости.

Нужно заметить, что митраизм, занесённый в I веке до н.э. в римскую армию, находившуюся в соприкосновении с персами, вскоре распространился по всей империи, став, благодаря своему относительному демократизму и пышным мистериям, основным конкурентом зарождающегося христианства. Охватив пограничные провинции, время от времени митраизм проникал даже в высшие эшелоны имперской знати: так императоры Коммод (конец II в. н.э.) и Аврелиан (III в.) сами являлись последователями митраизма, содействуя его распространению в римском обществе.

Доказательством исключительно мощного влияния митраистского культа Непобедимого Солнца (Sol Invictus) в катящейся к закату Римской империи может стать заимствование ранними христианами у своего успешного соперника множества обрядов, символов и догм, уже пустивших глубокие корни в обществе.

Так, даже главный символ христианства, крест, был явно заимствован у митраистов, где он, вписанный в круг, обозначал солнце; подобный же символ служители митраистских мистерий наносили на лоб неопитам в рамках обряда «посвящения». Другим не менее очевидным заимствованием является

праздник рождества Христова, установленный церковью лишь в 354 году. К тому моменту в империи уже широко распространился митраистский праздник «дня рождения Непобедимого Солнца», приходившийся на 25 декабря, день зимнего солнцестояния по юлианскому календарю. Не в силах преодолеть «пережитки» язычества, укоренившиеся в пастве, церковники банально «узаконили» этот иноверческий праздник, связав его с евангельскими мотивами.

Впрочем, в этот же самый момент множество других элементов митраизма вошли в христианский ритуал и христианскую мифологию: учение о непорочном зачатии христианского «спасителя», вера в вознесение «спасителя» на небо, ритуал причащения хлебом и вином, использование «святой» воды, соблюдение воскресного дня и т.д. Не будет преувеличением сказать, что именно подобная тактика обеспечила христианству победу над столь мощными соперниками, каковыми являлись митраизм и культ Непобедимого Солнца.

Формирование христианства

Родиной христианства является отнюдь не Палестина, а Малая Азия. За это говорит тот факт, что древнейшее произведение христианской литературы, – «Откровение Иоанна», – упоминает лишь малоазиатские общины, но ничего не говорит о палестинских. Здесь, в Малой Азии, издавна проживали многочисленные еврейские поселенцы, – часть т.н. «диаспоры рассеяния».

В условиях жизни на чужбине, среди масс «язычников», евреи диаспоры не могли выполнять с точностью бесчисленные предписания ортодоксального иудаизма. Постепенно отказываясь от запретов и обрядов в отношении одежды, пищи и общения с «язычниками», евреи перестали воспринимать Яхве как бога исключительно еврейского народа (генотеизм), самого могучего из всех других этнических богов, превратив его в «единственного истинного бога» всего человечества. Именно эти воззрения еврейских поселенцев стали основой христианского монотеизма.

Другим важным источником, повлиявшим на выработку христианского мировоззрения, стало учение Филона Александрийского, яркого представителя еврейской «диаспоры рассеяния», доведшего в I веке н.э. идею единого бога до философской формы. Именно он ввёл понятие Логоса (разум, слово), как идеального проявления абсолютного божества, посредника между богом и миром. В христианстве логос трансформировался в сына божьего, в богочеловека, стоящего между небом и землёй, во вторую ипостась бога-троицы, находящуюся между богом-отцом и святым духом.

Несомненно, ещё одной философской школой повлиявшей на формирование не только христианства, но и многочисленных гностических сект того же периода (вроде знаменитых ессеев или египетских терапевтов), являлся стоицизм с его учением о бренности бытия, умерщвлении плоти, равенстве всех людей и божественном разуме, управляющем миром.

Мессиянская идея в христианстве так же претерпела некоторые трансформации: в то время как евреи Палестины, движимые национальным чувством, ожидали царя из рода Давида, который силой оружия освободит евреев от римского ига, евреи диаспоры, отчаявшись в успехе классовой борьбы против угнетения, возлагали надежды лишь на небесную помощь. В их сознании мессия превратился из освободителя еврейского народа в общечеловеческого спасителя.

Что до образа самого этого спасителя, то и он сложился не сразу, претерпев множество «перевоплощений» под влиянием разнообразных факторов. В том же «Откровении Иоанна Богослова» образ Христа ещё очень далёк от той волшебной личности, какую мы знаем теперь. Здесь Иисус Христос даже не человек, а некое антропоморфное ужасающее существо, спускающееся с неба лишь для того, чтобы принести гибель «великой блуднице», Римской империи. Здесь же он принимает и другие обличия: то он возглавляет небесное воинство, то выступает в роли судьи, а то и вовсе рассекает на белой лошади в окружении диковинных существ. Мы видим, что в этом раннем памятнике христианства Христос изображён явно неземным существом, имеющим мало общего с поздним образом волшебного плотника.

В образе человека-бога, сошедшего с небес на землю и пострадавшего за грехи людей, Христос предстаёт в «Послании апостола Павла», втором, более позднем произведении христианской литературы. Но и здесь нет никакой конкретики: личность абстрактного спасителя-мессии здесь вполне укладывается в канон восточных земледельческих культов с их умирающими и возрождающимися богами, вроде Аттиса или Осириса.

И только в евангелиях, наиболее поздних сочинениях христиан (середина II в.н.э.) появляется детальная земная «биография» Христа; Христос получает черты «исторической» личности, вобравшей в себя самые распространённые в обществе представления о богочеловеке, вроде превращения воды в вино или полётов по небесам.

Что касается совершённых Иисусом чудес, то и они не выходят за рамки представлений эпохи, сформированных, прежде всего, под влиянием культа обожествлённых римских императоров, которые вполне могли потягаться с христианским спасителем в искусстве волшебства. К примеру, по сообщениям античных авторов император Веспасиан одним своим прикосновением излечивает калеку и плевком в лицо возвращает зрение слепцу, а император Август помимо множества чудесных исцелений и даже воскрешения мёртвых вообще умудрился появиться на свет «непорочным» образом от самого бога Аполлона. Кстати говоря, после собственной смерти Октавиан Август при свидетелях вознёсся на небо подобно орлу. Вполне можно допустить, что христиане – так же как и в случае с митраизмом или культом Изиды (откуда практически дословно был заимствован образ Богоматери) – просто включили в свою мифологию уже существовавшие и весьма популярные представления о божестве-человеке; божьем сыне, который несомненно должен обладать какими-то особыми качествами, отличавшими его от простых людей.

Таким образом, образ Иисуса Христа есть образ чисто мифологический и в его эволюции имело место не обожествление верующими реально существовавшего человека – как это, возможно, произошло с Мухаммедом – а наоборот, очеловечивание абстрактного божества с целью сделать его образ понятным широким неимущим и необразованным массам.

Это, кстати, подтверждается и тем, что ранние христиане изображали Христа исключительно в виде рыбы или агнца, то есть, чисто символически. И только с конца II века Иисуса начали изображать в человеческом виде, да и то – отнюдь не в том, который мы привыкли видеть в церквах. Ранний Христос – это молодой 30-летний безбородый мужчина, пушащий здоровьем и лучащийся радостью. И только в конце VII века на Трульском церковном соборе был окончательно утверждён иконописный образ спасителя: бородатого европейца с блаженно-страдальческими глазами и тщедушными телесами.

Причины успеха христианства

Изначально представляя собой малочисленную секту внутри иудейской диаспоры, христианство относительно быстро завоевало популярность во всей Римской империи, не только оставив позади конкурирующие культы, но и превратившись в официальную религию Рима.

Причины столь головокружительного успеха кроются не только в том, что христианство удачно синтезировало в себе наиболее передовые и популярные религиозные идеи своей эпохи, но и в организационных формах самих последователей этой религии.

В отличие от своих «духовных конкурентов», христиане не замыкались в своём узком кругу: в каждом городе они вели активную пропаганду, обращённую, в первую очередь, к массам неимущих. И если митраисты или последователи Изиды ставили перед неопитами множество препятствий на их пути к «посвящению» в тайны культа, то христиане отрицали «элитарность» своей религии, приветствуя в своём обществе любого, кто разделял их мировоззрение.

Немалую роль играло и отношение к женщине: если прочие восточные культы продолжали держаться античной традиции презрения к женщине как таковой (а митраисты, например, и вовсе отменяли возможность посвящения женщин в культ «великого солнца»), то первые христиане раскрыли свои объятия даже для наиболее презираемых обществом представительниц женского пола – т.н. «блудниц». Для чего в христианскую мифологию был введён даже образ кающейся проститутки Марии Магдалины.

Сами по себе общины христиан того периода являлись не только чертогом утешения для скорбящих и отчаявшихся, но и своеобразным союзом взаимопомощи и благотворительности, материально поддерживавшим наиболее обездоленных. Решающую роль так же играла и «гибкость» иерархии ранних христианских общин, практически полностью выстроенная на выборности, способная достаточно легко приспосабливаться к изменяющейся ситуации.

Идеология раннего христианства так же содействовала мощному притоку социальных низов: эгалитаризм, догматические нападки на богатых, восхваление бедности, ненависть к Риму, ожидание скорого избавления. Всё это находило живой отклик у основного контингента христианских общин I-II вв. нашей эры: рабов, вольноотпущенников, разорившихся крестьян и городского люмпен-пролетариата.

Наконец, важнейшая причина возвышения христианства заключается в том, что оно представляло собой идеологию новой общественно-экономической формации, шедшей на замену умирающему и разлагающемуся рабовладельческому строю – феодализма.

В противоположность рабовладельческой идеологии, исходящей из того, что рабство имеет божественный характер, христиане провозглашали равенство людей перед богом. В противоположность рабовладельцам, разделявшим общество на «низших» и «высших», на «граждан» и «провинциалов», на «варваров» и «квиритов», христиане не признавали никаких социальных, религиозных или этнических различий между людьми. В противоположность рабовладельцам, превозносящим праздность и презрение к физическому труду, христиане с уважением относились к труженикам и в целом осуждали социальный паразитизм богатой верхушки Римской империи. То есть, христианство объективно содействовало разрушению отживших производственных отношений через разрушение идеологии, «освящавшей» эти отношения, ставшие тормозом дальнейшего экономического и социального развития общества.

По этой причине мы можем сказать, что на определённом этапе христианство со своими демократическими требованиями играло ограниченно-революционную роль в деле подрыва духовного господства рабовладельческой формации.

Христианство набирает силу

Ожидание скорого «конца времён», сопровождающееся падением и наказанием «великой блудницы» (Римской империи), ярко выраженное в «Откровении Иоанна Богослова» (наиболее раннем образчике христианской литературы), продолжалось недолго. Стабилизация и укрепление центральной власти, усиление гнёта и дальнейшее разорение населения, подкосили все надежды страждущих на скорое крушение мировой рабовладельческой империи. Конец света пришлось передвинуть на неопределённый срок.

Параллельно с этим начал меняться и сам характер христианства.

Со второй половины II века н.э. в христианских общинах уже преобладают средние городские слои: купцы, ремесленники, мелкие землевладельцы. Это объясняется тем, что глубокий кризис экономического базиса (рабовладельческого строя) нашёл отражение в общем идеологическом кризисе: скептицизм и отчаяние охватывали все более широкие слои, искавшие духовной опоры в новой религии. С другой стороны, для купцов и ремесленников становится экономически выгодным быть христианами, ибо в каждом городе империи существовали христианские общины, готовые оказать любую посильную помощь единоверцам в деле организации торговли или реализации продуктов производства.

Изменение социального состава общин повлекло изменение и христианской идеологии.

В первую очередь, обструкции и нападкам подвергаются «анти-имущественные» тенденции первых христиан. Во-вторых, сводятся на нет ранние антигосударственные настроения. В итоге, внутри христианства победу одерживает «умеренное», «приспособленческое» течение зажиточных слоёв, призывающее мириться с реальностью, какой бы она не была. Но победа эта не была полной и безоговорочной: если в центральной части империи с «босяцкой идеологией» было покончено более-менее быстро, то на окраинах, где основным контингентом христианских общин продолжала оставаться беднота, борьба между «умеренными» и «радикальными» течениями продолжалась в течение следующих трёх веков. Доказательством этому может стать обширная деятельность одной из первых осужденных официальной церковью сект – движения агонистиков (циркумцеллионов).

Выражавшее радикальные требования бедноты, облачённые в христианские постулаты, это движение, распространившееся преимущественно в североафриканских римских провинциях в IV-V вв. н.э., наносило немалый вред не только господствующей верхушке рабовладельцев, но и сросшейся с ней к тому моменту «официальной» церкви. Поскольку агонистики, движимые идеями уравнительного «христианского коммунизма», не только освобождали рабов, убивали латифундистов, ростовщиков, богачей и высокопоставленных чиновников, не только организовывали и возглавляли восстания сельской бедноты и рабов против центральной власти, но и нападали на представителей ортодоксального христианства, разрушали церковные здания, вели активную пропаганду против «примиренческих» идей поместных служителей.

Характерно, что движение агонистиков пользовалось всемерной поддержкой другой «народной» радикальной секты – секты донатистов, состоявшей из фанатиков, возмущённых сотрудничеством с имперской властью клириков Карфагенской церкви в эпоху т.н. «гонений». То есть, ещё в IV-V вв. противостояние «официальной» церкви с остатками былых революционно-демократических настроений отнюдь не было завершено.

Параллельно со сменой идеологических ориентиров, меняется и организация христианских общин. Если в I-II вв. главенствующее положение в христианских сообществах занимали экзальтированные проповедники, готовые во имя своих идеалов пойти на смерть, то с укреплением внутри общин зажиточных слоёв, власть перешла к избираемым из среды наиболее деловитых и предприимчивых членов должностным лицам – пресвитерам (старейшинам), диаконам (заведующим хозяйственной частью), епископам (руководителям). Эти солидные господа, прибрав к рукам все дела общины, приступают к наведению новых порядков в пользу имущих слоёв.

Уравнительные практики первых христиан, вроде раздела имущества между всеми членами или организация совместного питания, заменяются простой и довольно ограниченной благотворительностью. На первое место выходят вопросы хозяйственного управления, вопросы приумножения имущества и богатства общин. В этой связи суровой обработке подвергается и вся имевшаяся до сего момента христианская литература, откуда тщательно вытраиваются многочисленные, – судя по всему, – крамольные (т.е. угрожающие власти зажиточных членов) идеи ранних христиан.

В III веке рост и распространение христианства лишь усиливаются. Теперь в лоно новой религии входят даже крупные собственники и воротилы, ибо к этому времени христианство уже не является оппозиционной властям религией беснующейся голытьбы, а выступает как солидное и мирное учение о спасении души.

В этот же момент окончательно складывается и церковная иерархия, выстроенная по монархическому принципу, причём на высших постах её неожиданно оказываются богатые землевладельцы, купцы и ростовщики.

Рост влияния и богатства церкви дал повод римской власти в III-IV вв. инициировать гонения на удивительно разросшуюся религиозную секту, к которой в тот момент принадлежали даже представители имперской бюрократии и члены господствующих семей. Нужно подчеркнуть, что именно экспроприация нажитых богатств, а отнюдь не борьба с христианской религией как таковой, являлась подлинной причиной т.н. «гонений», направленных почти исключительно только против высшего клира. Часть которого, как это видно на примере одной только Карфагенской церкви, умудрялась и в этих тяжёлых условиях по-деловому сотрудничать с имперской властью, проводя последовательную борьбу с «антигосударственными» настроениями рядовых христиан.

Однако, никакими административными методами хиреющему Риму было уже не сломить это огромное и богатое «государство в государстве», охватившее своим влиянием всю империю и включавшее в себя большое количество высших чиновников, богатейших землевладельцев и подавляющую часть торгово-промышленных городских слоёв.

В этой связи, в 311 году император Галерий Никомедийским эдиктом легализует христианство, а спустя 2 года уже император Константин Миланским эдиктом не просто возвращает церкви экспроприированное в эпоху гонений имущество, но и выплачивает солидные компенсации за уничтоженную в прошлые годы движимую и недвижимую собственность,

памятники, культовые сооружения и т.д. Тем самым Константин приобретает мощнейшую социальную и идеологическую поддержку для своей власти, – христианскую церковь, занявшую место безнадежно устаревшей, более не отвечающей требованиям эпохи и находящейся в перманентном кризисе старой религии античных богов. Христианство превращается в мировую религию.

Заключение

Итак, мы в общих чертах ознакомились с историей зарождения и становления христианской религии. Мы увидели, что появление этого изначально местечкового малоазиатского синкретического культа и возвышение его до уровня государственной религии Римской империи являлось следствием не «божьего промысла», а имело вполне материальные социально-экономические причины.

Являясь изначально идеологией разбитой и обескровленной революции бедноты и рабов, порождением бессильной злобы миллионов угнетённых по отношению к существующему строю, христианство на определённом этапе сыграло прогрессивную роль в деле разрушения рабовладельческой идеологии, объективно тормозившей развитие общества.

Однако подлинная революция могла идти не в религиозной, идеологической, а только в активной политической форме; и с этой стороны христианство уже на самых ранних этапах проявляло свой реакционный характер, проповедуя пассивное ожидание гибели ненавистной рабовладельческой империи. Весьма активное участие христиан в провинциальных бунтах, в восстаниях рабов и колонов III-IV вв. в Галлии (восстания багаудов) или Северной Африке (восстания агонистиков) являются скорее исключением из общего правила, «уступкой» христианства местным радикальным бедняцким настроениям.

В целом же, даже в эпоху наивысшей экзальтации, христианские проповедники, безостановочно проклиная на чём свет стоит «вавилонскую блудницу» и царившие повсюду порядки, отнюдь не стремились к разрушению несправедливого строя. Призывая массы всецело положиться на помощь божественного спасителя, который своим скорым приходом разрешит все проблемы, христианство объективно играло на руку рабовладельческой верхушке, купирова революционную энергию эксплуатируемых и угнетённых.

По мере укрепления христианства эти реакционные черты проступали всё ярственнее, окончательно оформившись в постулатах о «смирении и кротости» и «божественном характере всякой власти». Оно и понятно: даже случайные бунтарские выступления поклонников Христа могли серьёзно нарушить хозяйственно-экономическую деятельность церкви, которая к концу II века уже представляла собой мощный и богатый общественный институт, активно рвавшийся к политической власти.

С другой стороны, господствующая верхушка рабовладельческих государств, утратившая идеологическую почву под ногами, увидела в возвышающемся христианстве спасительную соломинку перед лицом неизбежного коллапса. Таким образом, в III веке христианство сначала становится государственной религией Эдесского царства, затем обретает влияние в Пальмирском государстве, а уже в начале IV века становится господствующей религией Римской империи.

Введение христианства фактически совпало по времени с трансформацией рабовладельческого строя в феодальный, начало чему было положено

реформами императора Диоклетиана (284-305), хотя принявшая святое крещение Римская империя формально ещё долгое время продолжала быть рабовладельческим государством. Но этот факт добившуюся официального признания христианскую церковь уже не очень волновал.

Получив в руки от эксплуататоров огромные экономические возможности и привилегии, церковь сполна оплатила за эту «доброту» идеологической поддержкой господствующего класса. Окончательный переход к феодализму не изменил положения – христианская церковь, ставшая в эту эпоху крупнейшим землевладельцем, прилагала все духовные и физические силы к укреплению и этого нового способа эксплуатации, а так же к обузданию – как и в первые годы своего становления – революционной энергии угнетённых масс.

Крушение феодализма под ударами народившегося буржуазного класса внесло некоторую сумятицу, так как капиталисты, кровно заинтересованные в развитии науки во имя развития производства, на первых порах развернули активную борьбу против христианской церкви, упорно державшейся самых реакционных воззрений, препятствовавшей развитию всякой научной мысли. Однако с появлением на исторической сцене нового революционного класса, пролетариата, грозящего вовсе покончить со всяким режимом эксплуатации и угнетения, со всяким социальным паразитизмом, со всяким суеверием и заблуждением, ситуация «выправилась». Буржуазия быстро нашла общий язык с христианской церковью.

Все обиды прошлого были забыты во имя общего дела – недопущения социальной революции рабочего класса, угрожающей, с одной стороны, лишить капиталистов их политического и экономического господства, а с другой стороны – уничтожить «питательную» для развития религии среду в виде невежества, страха, общественной депрессии, отчуждения. То есть, ликвидировать источник религии, а значит – и все религиозные институты со всеми их привилегиями, богатствами и властью над умами людей.

Поэтому не приходится удивляться что сегодня, несмотря на тяжёлые удары, нанесённые наукой по религиозному мировоззрению, христианская церковь, – хотя и изрядно потрёпанная, – весьма бесцеремонно, при полной поддержке господствующего класса, вновь пытается навязать обществу свои «пасторские» услуги, дабы продлить существование капитализма; системы экономических отношений, являющейся источником всех современных общественных разложений и пороков, – алкоголизма, наркомании, аморальности, эгоизма, насилия и т.д. – с которыми христианская церковь якобы ведёт свою лицемерную «борьбу».

Оригинальная статья